

МАРИНА ЮВАРА

ИЗ ЖИЗНИ СТЮАРДЕССЫ

ЖИЗНЬ В ПОЛЕТЕ

Marina Iuvara

Из Жизни Стюардессы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57159646

Из жизни стюардессы:

ISBN 9788835401636

Аннотация

Автор сама работает стюардессой, она отталкивается от настоящих случаев, произошедших в полете, и дает читателю подышать тем воздухом, который ощущается в авиационной компании, именно пожить как стюардесса, той жизнью, в которой работа и сложная совокупность личной и общественной жизни, основанной на расписаниях, сменах и вылетах, становится почти что стилем жизни. Книга поднимает тему личного внутреннего обогащения и перемен в ходе путешествия длиной в двадцать лет, а то и больше, за время которого Анна из наивной, полной мечтаний девушки превращается в женщину и мать, которая достигла самосознания и нашла себя, ей удается приспособиться к неизбежным переменам в жизни, она привыкла жить с чемоданом в руке и колесить по свету. . Анна – стюардесса, которая покинула родной край, Сицилию, чтобы осуществить свои мечты: путешествовать, быть свободной и независимой. Она устала терпеть строгие правила, навязанные родителями и обществом, в котором живет, у нее бунтарский и пылкий нрав, однажды в голову ей приходит мысль, и она понимает, что только профессия

бортпроводницы поможет ей стать счастливой, реализовать себя. Так берет начало существование «крылатой женщины», которая будет разрываться между небом и землей, между дальними странами, на которые множество людей смотрит с вожелением, и повседневной жизнью со своими трудностями, знакомыми всем простым смертным. Этот раздел надвое находит отражение во всем построении книги, где жизненные воспоминания героини, то веселые и смешные, то печальные и драматичные, переплетаются со случаями, произошедшими во время полета, с «окошками» на такой чарующий мир, как гражданская авиация, о котором мало что знают, таком нелегком и систематизированном. Проливается свет на «нравы и обычаи», рассказывается о «летающих летучих», как в профессиональных кругах прозвали летный персонал, а к тому же даются веселые советы пассажирам. Автор сама работает стюардессой, она отталкивается от настоящих случаев, произошедших в полете, и дает читателю подышать тем воздухом, который ощущается в авиационной компании, именно пожить как стюардесса, той жизнью, в которой работа и сложная совокупность личной и общественной жизни, основанной на расписаниях, сменах и вылетах, становится почти что стилем жизни. Книга поднимает тему личного внутреннего обогащения и перемен в ходе путешествия длиной в двадцать лет, а то и больше, за время которого Анна из наивной, полной мечтаний девушки превращается в женщину и мать, которая достигла самосознания и нашла себя, ей удастся приспособиться к неизбежным переменам в жизни, она привыкла жить с чемоданом в руке и колесить по свету. Какие у стюардесс секреты? Что случается на борту самолетов? Что делают стюардессы, когда прилетают в назначенное место? Какую подготовку они проходят? Как ведет

себя стюардесса в личной жизни? Как ей удастся приспособиться в частых поездках? Что она думает во время взлета и посадки? Стюардессы тоже боятся? Какие мысли роятся у нее в голове, если возникает критическая ситуация? Как она выстраивает отношения с экипажем? Как она управляется с самыми трудными пассажирами? Какие у пассажиров недостатки? Что такое «пилотит»? Какими манерами пытаются сделать аванс в самолете? А какие разновидности пассажиров встречаются? Какие советы можно дать путешественникам и что класть в чемодан? Что написано в «Руководстве по выживанию на борту»? В этой книге вы найдете ответы на эти и многие другие вопросы.

Содержание

Введение	10
Предисловие	12
Как распознать стюардессу?	15
Какими мы были	18
Хочу быть стюардессой	33
Я, Ева, Валентина и Людовика	43
Первый полет	47
Боязнь летать	60
Отрочество	68
Непредсказуемая жизнь	75
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Марина Ювара
Из жизни стюардессы

МАРИНА ЮВАРА

ИЗ ЖИЗНИ СТЮАРДЕССЫ

Жизнь в полете

мой дом – весь мир

Издательство «Тектайм»

Монтефранко

2019

Из жизни стюардессы

Марина Ювара

Название на языке оригинала:

Vita da hostess

Перевод с итальянского Т. Кузнецовой

Изображение на обложке | © 2020 – **МАРИНА ЮВАРА**

Все права защищены.

Данное произведение опубликовано непосредственно автором при издательстве Тектайм С.р.л.с.

Ни одну из частей данного произведения без предварительного согласия автора воспроизводить нельзя.

Тектайм С.р.л.с.

Ул. Армандо Фьоретти, 17 – 05030 Монтефранко (TR) – Италия

На произведение распространяется авторское право – все права защищены. Любое распространение либо воспроизведе-

дение, включая частичное, без открыто выраженного разрешения автора запрещено.

Эта книга стала пересмотром первого издания «Из жизни стюардессы».

С первой публикации книги прошло несколько лет, поэтому я решила обновить ее и дополнить.

Добро пожаловать на борт: this is the next flight ¹.

Марина Ювара

Женщины независимые, в форменной одежде, кружат по свету.

Воплощение свободы, *glam*².

Это, прежде всего, женщины, профессия которых уникальна и особенна, а потому несет неповторимую радость и удовлетворение, но вместе с тем она полна нелегких ситуаций и очень важных жизненных поворотов.

По традиции в воображении масс стюардессы представляются такими, какими они кажутся: их форма элегантна, они побывали во всех точках земного шара, они общаются или знакомы с огромным множеством людей, или ходят по магазинам, где угодно. С ними часто сталкиваешься в аэропорту, с ними и со всем экипажем: на них порой все еще оглядываются с восхищением и толикой зависти. «*Вот бы и мне*

¹ Это следующий рейс (англ.) – здесь и далее прим. перев.

² От англ. *glamour* – обаяние, шарм.

работать стюардессой», – сокровенно думают многие девушки, или наоборот: – «Мне бы с такой работой никогда не справиться».

На самом же деле, проводницы – естественно, имеются в виду бортпроводницы – эффективно и профессионально делают важную работу, они действительно стали основополагающей составной частью по обеспечению безопасности полета, они обучены выдержке и навыкам брать в руки любую критическую ситуацию, они должны быть всегда готовыми разрешить самые невообразимые и сложные неожиданности, а помимо этого работают вдалеке от родных и семей, и трудно бывает спланировать время, зачастую тяжело привыкнуть к перемене часовых поясов.

В этой книге я попыталась рассказать о менее заметных и трудно вообразимых сторонах работы стюардессы.

Вот почему посвящаю книгу всем нам, стюардессам.

Введение

Впервые стюардессы появились в 30-ых годах на одной американской авиалинии.

Поначалу многие сомневались в пользе стюардесс: хрупкие, милovidные девушки – вес их не должен был превышать 52 килограмма, рост 163 сантиметра, возраст не больше 25 лет; все одеты в одинаковую форменную одежду, у всех обязательно квалификация медсестры – любезно приглашали пассажиров занять места в самолете.

С годами облик и функции стюардесс значительно изменились.

В 1940 году после нападения на Перл-Харбор стюардесс стали набирать на военные самолеты служить Родине.

В 1950 году вышла первая инструкция как быть безукоризненной стюардессой: по-солдатски сильна, по-матерински ласкова, всегда готова услужить как гейша, осведомлена как гид.

В 60-70-ых годах стюардессы стали предметом гордости, они представляли авиакомпанию, и их сравнивали с манекенщицами.

Им завидовали и воспринимали как женщин красивых, желанных, у которых есть возможность, доступная еще не всем, колесить по свету и познавать мир.

В 1960 году в газете «Нью-Йорк Таймс» одна американ-

ская журналистка описывает стюардесс как «безукоризненных жен», так как они на шагивают туда-сюда между креслами по 300 миль, и поэтому предстают очень натренированными и на поверку физически крепкими.

Когда наступил феминистский переворот, и женщины завоевали большие права, в 1971 году отменили правило, которое запрещало стюардессам выходить замуж; в 1974 году их зарплату уравнили с заработком мужчин; в 1975 году отменили запрет иметь детей, а в 1979 году упразднили ограничения по весу.

Сегодня главная задача стюардесс – обеспечить безопасность пассажиров на борту самолетов, а также обслуживать их во время полета.

Предисловие

Они прошли безукоризненную выучку по безопасности полетов, получили свидетельство и имеют право оказывать первую медицинскую помощь, говорят на иностранных языках, отлично умеют плавать, у них ухоженная внешность, они улыбчивы, хорошо воспитаны, помимо предрасположенности к общению, стюардессы должны обладать отменной эмоциональной уравновешенностью и повышенной практичностью.

Живут они в бешеных темпах, работа у них трудна и напряженна также из-за перемены часовых поясов, они работают в помещениях с пониженным давлением, а пол, по которому они ступают во время работы, не всегда горизонтален, и все же действуют они с самообладанием и должны быть всегда готовы найти решение в непредвиденных ситуациях.

Стюардессы сталкиваются с людьми любой национальности, культуры, воспитания, происхождения и характера.

Им попадают блестящие как солнечные лучики детишки или порой дети неугомонные хуже бесенка, люди в пожилом возрасте, с которыми надо быть тактичными и задушевными, личности, требующие сдержанности и конфиденциальности, бизнесмены, знаменитости шоу-бизнеса, группы веселых и беззаботных отпускников, романтические пары в свадебном путешествии, хворые, требующие внимания, эми-

гранты из дальних стран, верующие и поборники различных религий. Со всеми надо обращаться заботливо и профессионально.

Перед каждым взлетом и каждой посадкой им необходимо проделать много дел, придерживаться распоряжений по безопасности и связанных с нею обязанностей и требований, соблюдать точно установленную последовательность и заниматься выполнением различных просьб; они очень часто и подолгу находятся вдали от дома, что сказывается на самочувствии, их личные взаимоотношения зачастую нелегки из-за определенных изъязнов, связанных с работой.

Трудностей в этой уникальной профессии много: по меньшей мере, столько же, насколько мало это могут представить себе и познать большинство людей, которые смотрят на стюардесс издалека.

И все-таки, несмотря ни на что, любая стюардесса, когда не летает, начинает хандрить и тосковать.

При каждом рейсе головы их пополняются изумительными картинками, и даже самый утомительный полет всегда обогащает.

Японские суси, песок Мальдивов, нью-йоркские небоскребы, аргентинская ночная жизнь, бразильское веселье, небо Лондона и парижские ароматы встают на горизонте, оживают и дарят неповторимые ощущения, пусть при ограниченности времени и пространства, пусть валит с ног усталость из-за перемены часовых поясов, пусть все больше при-

ходится торопиться, так как времени в распоряжении мало.

Закаты, когда на них смотришь сверху, над облаками, впечатляют, как никогда.

На борту самолета случается и может случиться всякое: многих пассажиров сразу заметно по манере держать себя и по несравнимому стилю, другие менее элегантны, глядя на третьих, умиляешься.

Может случиться, что кто-то сильно напряжен или занервничает и утратит самообладание: многим нужна психологическая поддержка, так как они боятся закрытых пространств или летать на самолете. Например, редко, но бывают случаи, когда кто-то выпьет лишнего и может разбуяниться. В общем, разных случаев очень много.

Ведь в самолете даже самое пустяковое дело или происшествие может превратиться в нечто такое, что потребует предельного внимания.

Тем, кто почувствовал себя плохо, надо немедленно оказать помощь, зачастую случаи, когда требуется медицинская помощь, разрешаются очень успешно.

И практически в каждом рейсе непременно возникают трогательные ситуации, пронизанные глубокой гуманностью и солидарностью.

Как распознать стюардессу?

-Посмотрите, что за предметы есть у нее дома: вы не понимаете, что это, зачем они нужны, откуда взялись?

– Посмотрите на расставленные фотографии: пейзажи как будто с другого края света?

– Поспрашивайте ее, пробовала ли она когда-нибудь жареную курицу на уличных прилавках в Бангкоке, бывала ли в лучших французских ресторанах и ела ли *room-service*³ перед зеркалом в шикарной гостинице.

– Обратите внимание в какие часы она ест или спит: не придерживается привычных расписаний?

– Взгляните на нее во время обеда: часто ест, стоя на ногах, но вождедеет хоть где-то присесть на минуту?

– Загляните в холодильник: она рядом с бутылками с водой положила пластмассовые стаканчики?

– Спросите, где она купила надетое сегодня платье: вам тоже придется лететь на самолете, чтобы купить такое же?

– Она не может обойтись без тех расклешенных джинсов, которые видела в Лондоне на Оксфорд-стрит, знает, когда состоится распродажа в Гар в Нью-Йорке, покупает фирменные платья от Гуччи в магазинах в Майами, сумки от Луи Виттон на распродаже в Токио, сердцевину пальмы для са-

³ Еда и напитки, которые подаются в номер (англ.).

лата в Аргентине, сок асаи, сырнй хлеб и тапиоку в Бразилии?

– Высвечивает пряди волос в своей любимой парикмахерской в Сан-Паулу или, на худой конец, в Милане?

– Считает, что кремы в Тель-Авиве или биологически чистые шампуни, которые она покупает в Торонто, самые лучшие?

– Взгляните на нее повнимательнее: она сбрасывает с ног туфли на высоком каблуке, как только сможет? (Загляните под стол или когда она едет в машине.)

– Гляньте в шкафчике для обуви: стоят в ряд лодочки все одного цвета?

– Она слишком непринужденно разговаривает о местах, куда вы можете долететь лишь воображением, и побывать во всех этих местах вам не хватило бы жизни?

– Спросите у нее, какое из всех мест, в которых она побывала, ее притягивает и манит больше всего: первым в списке стоит диван у себя дома?

– Спросите, что она думает о новостях как культурных, так и политических, а, главным образом, скандальных: она всегда в курсе последних событий?

– Пошарьте, что лежит у нее в сумке: там можно откопать самые разнообразные предметы на все случаи жизни? (Лезвие, книгу, косметику, маленький фонарик, зонтик, навигатор, фотоаппарат, портативный компьютер, запасные чулки, зубную щетку.)

– У нее уйма телефонных номеров и адресов коллег и знакомых, но она не помнит, где, в каком году и как она с ними познакомилась или встречалась?

– Каждый раз, как только учует запах дыма, проверяет откуда им тянет и оглядывается в поисках висящего как можно ближе огнетушителя?

– С первого взгляда распознает характер и социальную принадлежность каждого человека и выстраивает хорошие отношения со всеми от самого молодого до самого старого?

– Не теряется, если кому-то надо помочь в затруднительной ситуации?

– Умеет искусно общаться в любой обстановке, хотя любит побыть в одиночестве?

– Ни чуточки не ощущает той внезапной тошноты, которая подступает к горлу, как только самолет начинает взлетать?

– Полюбопытствуйте у нее в спальне: у нее всегда готов чемодан на случай, если придется вылетать внезапно, в маленький чемоданчик она умеет вталкивать все необходимое, что может понадобиться на неделю, и не приходит в замешательство, если час назад ей неожиданно сказали, что надо лететь из Рима в Каракас?

Если на все вопросы вы ответили да, не сомневайтесь: речь идет о «КРЫЛАТОЙ ЖЕНЩИНЕ».

Счастливого полета!

Какими мы были

Я возвращаюсь в мой край, на Сицилию, по меньшей мере, дважды в год, на праздники и на лето, если позволяют отпуск и летная смена.

Летать на самолете стало для меня привычкой, такая у меня работа.

Прошло уже много лет, но каждый раз, когда я возвращаюсь, вместе с насыщенным запахом померанца, которым веет над апельсиновыми рощами, и дующим из Африки сирокко безмолвно подступают воспоминания о детстве.

Сегодня четверг, июль: тридцать шесть градусов жары – обычное дело.

Летом наш край жарок, ярок и залит солнцем: все как будто замедляет ход, и трудно поддерживать деятельный ритм жизни из-за такой температуры, которая мне все же нравится, хотя бывает иногда слишком удушливой.

Солнечные лучи обдают теплом все не покрытые одеждой части тела, проникают до костей, зачастую придают сил, а порой расслабляют до умопомрачения, и я засыпаю.

Традиционный в наших местах «послеобеденный отдых» прерывает дневные труды.

Я вслушиваюсь в монотонное, почти гипнотизирующее хлопанье лопастей вентилятора, стоящего на старинном сундуке; его дуновение отгоняет горячий и душный воздух по-

слеобеденной поры, который нисходит на землю с голубого безоблачного неба.

К вечеру температура немного понижается, и благодатный ветерок смягчает вечернюю жару.

Я остановилась дома у своих родителей, и любая вещица, на которой задерживается мой взгляд, возрождает в уме пережитые сценки и уже далекие воспоминания.

Выхватываю взглядом шелковую юбку кремового цвета с тонкой вышивкой нитками чуть посветлее, юбка висит в шифоньере в стиле Людовика XVI, который моя мать выбрала больше сорока лет назад и поставила у себя в спальне, и с тех пор там шифоньер и стоит, не поддается времени; а вот я стала совершенно другой с той поры, когда забиралась под одеяло на этой огромной кровати и слушала сказки, которые мать рассказывала мне перед сном, я стала другой даже с тех пор, когда много лет спустя украдкой примеряла самые красивые мамины бусы и смотрелась в проем большой позолоченной рамки, которая стояла посреди комнаты, я танцевала в одиночку безыскусно и свободно, как *«бесстыжая девка»*, сказал бы мой отец, если бы увидел меня.

Я помню, что в то время у меня была комбинация такого же цвета, как у мамы; я любила надевать ее и ощущать легкость и свежесть, которая исходила от нее в самые влажные дни.

Правилами моего воспитания комбинацию разрешалось носить только дома, и надевать ее надо было, тщательно

закрыв балконные ставни, чтобы не допустить бестактных взглядов с улицы, так как балкон выходил на большой двор.

С малых лет меня приучили прикрываться, хорошенько накрывать тело перед любым человеком.

Мало-помалу закапывали в мою душу капли стыдливости, день за днем.

– Накройся, накройся, а то кто-нибудь увидит! – бывало говорили мне, если я вдруг замешкаюсь, переодеваясь у себя в комнате и забыв задернуть шторы.

Я до сих пор, прежде чем снять платье, проверяю, чтобы все было закрыто, и чтобы меня никто не увидел, но в этом я ни разу не призналась даже Валентине, моей коллеге, с которой мы много лет жили в одной квартире неподалеку от аэропорта в городе, где я сейчас живу: в Риме.

Когда я была маленькой, чтобы меня не наказали, я с великим старанием повиновалась зачастую слишком строгим правилам.

Была в них суровость воззрений и нравов, переданных из поколения в поколение.

Моя тетя Кармела – все звали ее Линой – рассказывала, что, когда она впервые осмелилась произнести бранное слово, ей приказали открыть рот и высунуть язык.

– Странная игра! – подумала она.

Ее мать, моя бабушка, вытащила одну из шпилек, которыми она собирала в пучок свои длинные волосы, и больно уколола ею дочку в язык.

Принимая во внимание последствия, очень немногие из дочерей и внуков в моей семье произносят ругательства несмотря на то, что бывают моменты, когда они бранятся мысленно.

Я здесь, в Катании, в отпуске на неделю, и вновь чувствую старые вкусы, запахи, ощущения.

Моя мать встречает меня солнечной улыбкой, она сдерживается и обнимает меня не так сильно, как ей хотелось бы, может из опасения, что у меня хрустнут кости.

Долго гладит меня по смолисто-черным, как у нее, волосам, снисходящим до плеч, я распустила их, освободив от резинок, которых требуют правила моей работы.

У мамы белая тонкая кожа, мягкая как песок, от нее веет ароматом розовых лепестков и апельсинов.

Я все время вижу ее слишком худой (хотя на мой взгляд я набрала, по меньшей мере, килограмма два-три по сравнению с моим утопичным идеальным весом), поэтому она зовет меня отведать всякой вкуснятины, которую начала готовить со вчерашнего дня, и почти заставляет съесть все, что обильно кладет мне в тарелку.

Сегодня она приготовила мои любимые блюда: тонкую лапшу с чернилами каракатицы и рыбу-меч в фольге.

Она никак не наглядится на меня, все время гладит по голове; от одной мысли, что я приехала, она счастлива и радостно возбуждена.

Мои тети и двоюродные сестры каждый раз, когда мы

встречаемся, тоже всячески показывают, что дорожат мной и хотят послушать про мои поездки и про мою работу.

В воображении родственниц я стала частичкой их мира, которая переместилась в другой мир: тот другой мир соткан из мечтаний над страницей журнала, он влечет, но написано, что опасен, полон соблазнов, может непоправимо сбить с пути. Я – та из них, у которой тоже сияли глаза, и как-то раз взяла да уехала. Я живое доказательство, что внешний мир меняет тебя, это да: но можно остаться самой собой, потому что все зависит от того, какой у тебя характер. А они для меня – самое важное из всего, чему я научилась за все мои поездки: то, что в дальнюю даль можно лететь только когда у тебя в душе остается место, откуда ты родом и куда можешь вернуться. Я научилась, что можно находиться где угодно, но на самом деле остаешься всегда там, где остались твои эмоциональные корни.

Фотографии, которые я сделала в Нью-Йорке, заморозили их, и они хотели бы поехать вместе со мной посмотреть «большое яблоко». А еще хотят, чтобы я взяла их с собой в Гонконг побродить по *Stanley Market* и по *Lady's Market*, по ночным рынкам, о которых я им много и увлеченно рассказывала, или остановиться в Касабланке, где раскинулась медина с ее цветами и специями, где у чайной мяты вкус крепче и запах более стойкий, чем у нашего душевника, и попробовать тех вкуснейших фиников, которые я привозила им по возвращении из одного рейса. Или покружить со мной

по кишащим народом переулкам Шангая, слиться с пестрой толпой и многоцветием, которое я пытаюсь описать и мне никогда не удастся сделать это так, как хотелось бы.

В моих родных заложено большое чувство гостеприимства, природный дар принять человека, который передается веками, они всегда здороваются со мной, ущипнув по привычке за щеки, оттягивают обе щеки не особо бережно, и обнимают, повторяя все те же слова с тех пор, как я слышала их в детстве:

– Кровинушка моя! Сладкая моя!

Мой отец тоже рад видеть меня, но он всегда молчалив, не особо изливает свои чувства, крайне сдержан.

У нас одинаковый цвет глаз, небесно-голубой, но в его глазах сквозь легкий лиловый оттенок все время проскальзывают отсветы, от которых временами находит на меня печаль.

Он часто склонен предсказывать неприятности, пронизанные тревогой и беспокойством также, как моя лучшая подруга Стефания, она тоже сицилийка.

Мой отец – человек очень образованный, ему нравится чему-то учиться, и он всегда в курсе всех современных социально-политических событий.

У него сдержанные манеры, он ведет себя формально, часами сидит, закрывшись у себя в кабинете, но в обеденный час и на ужин мы все собираемся вместе за столом.

То, чему мои родители, родные и общество научили меня, так это большая важность семьи, соблюдение правил, а

главное нерушимость брачных уз: эта ценность оберегается всегда, любой ценой, часто ценой огромных жертв.

Этот союз нужно беречь в любом случае, даже когда он проблематичен, трудности надо преодолевать или подавлять, порой обходить вниманием.

– Пока смерть не разлучит нас.

Это обещание, которое уже не может быть нарушено, начиная с момента, когда его дают.

Это обязанность строгая и непрерывная, необходимая для прочной сохранности семейных корней.

Связывают брачный союз не только привязанность, официальное бракосочетание, глубокое чувство долга, которые с детских лет внушают тебе воспитанием, но и навязчивое мнение общества, в котором живешь, оно усердно работает и побуждает вести себя так, чтобы не порвались семейные узы.

В семейной паре у женщины очень важная роль: преданность супругу и детям абсолютна.

Мужчина обязан как можно лучше исполнять роль главы семьи, он должен заботиться о семье и содержать ее.

Преданность и обязанности, любовь и уважение.

Не важно, если вдруг последние два чувства иссякнут, бывает, что они затухают.

Брачные узы есть то, на что можно рассчитывать всю жизнь, дети – клюка в старости, развод не допускается или считается всего лишь сумасбродством, чем-то таким, что «выходит за рамки установленного порядка», его надо избе-

гать, отыскав какой бы то ни было способ.

В момент бракосочетания заявление хранить верность – это обещание, которое нужно совершенно непреклонно исполнять.

Вот правила, которые мне внушили с самого детства. Я уверена, что судьбой мне предписывалось соблюдать эти наставления.

Меня воспитали в большой строгости, состоявшей из властных поступков, приказов, обязанностей и наказаний, и нельзя было возразить или попросить разъяснить, поэтому, когда я стала подростком, у меня осталась путаница в голове и большие сомнения в том, что же поистине правильно, а что решительно неверно.

Железные правила вытекали из предписаний как воспитывать детей, которым научили моего отца в 40-ые годы, и не принимались во внимание происшедшие глубокие изменения и молодежное движение 1968 года, в которых я приняла участие лишь свои рождением.

Тогда, несмотря ни на что, социальный переворот 70-ых годов будто бы никоим образом не коснулся нашей действительности.

У нас все виделось черным или белым, правильным или неправильным, разрешенным или запрещенным, не было места оттенкам, отступлениям от правил, серединным путям.

Образцы и стили жизни, которых придерживались, были,

по моему мнению, одряхлевшими пережитками прошлого.

Для меня черное и белое были всего лишь концами многокрасочного разнообразия расцветок, и все же наставлениям надо было повиноваться, не возражая и не противясь.

От выбора школы до выбора друзей, до расписаний, до того, куда можно пойти, до того, как одеваться, до видов спорта, все эти решения отвечали мнениям, склонностям и вкусам не моим, нет, они даже близко не напоминали о моих устремлениях: это было все то, к чему тяготел мой отец.

После тщательного отбора он выносил решение с кем мне можно встречаться, отбор предварялся первоначальным собеседованием-представлением, которое должны были проходить избранные.

Я часто спрашивала себя, каков же мой путь, что же на самом деле важно, каковы мои истинные желания и цели, и зачастую мои ответы в корне различались от ответов, навязанных мне родителями, которые несомненно делали для моего же блага и чтобы как можно полнее сформировать мою личность, но отражали во мне всего лишь мечты: их мечты.

Я покорно шла в «указанном направлении», и часто оказывалось, что я играю роль, которая несомненно нравилась окружающим, но мне нет, я ощущала, что зарождаются во мне и растут желания, которые не отвечают игровой роли и о которых я никогда не смогла бы поведать, потому что знала, что их воспримут с большой неприязнью: меня влекла свобода и независимость, путешествия и дальние страны.

Я почти всегда старалась запереть эти желания и мечты под ключ, как в ящик, навесить большой замок там в моей душе, в моем сердце, которое учащенно билось, когда я воображала свои настоящие желания, но они считались слишком беззастенчивыми или неуместными.

Я часто душила свои мечты путешествовать, жить за границей, оторваться от семьи и обустроиться жить одной, и так, я хорошенько обуздала их и спрятала; мне не слышно было как из того ящика доносятся крики, я не ощущала боли из-за сожаления от отказа.

Я гордилась, что отыскала укромное место, я затаилась в той темноте, у меня не было возможности отдать себе отчет осознанно.

Я не хотела, чтобы мои истинные влечения вылезли наружу, не хотела даже, чтобы они существовали, так как от них у меня будут одни неприятности, если о них узнают; они не только доставили бы разочарование, но и, в любом случае, жизнь у них оказалась бы нелегкой, и их подавили бы в зародыше.

Мой папа, адвокат, был уверен, что я пойду по его стопам.

Так я прожила большую часть своего подросткового возраста, не особо страдая, я блестяще преодолевала затруднения, благодаря своему секретному приему, то есть душила и скрывала свои всамделишные желания и старалась угодить окружающим.

Но пришел день, когда один из многочисленных ящичков

чуток переполнился, тогда для большей уверенности и не без труда я попробовала навесить еще один замок.

Ящик неожиданно треснул, выдвинулся, я услышала стенания, плачь, всхлипывания, как будто какая-то девочка просит помощи, умоляет выпустить, позволить быть самой собой.

Тот ящик я снова с трудом закрыла, еще раз.

Но тот плачь и образ той девочки пытались пробиться наружу и высвободиться.

Они были невыносимы.

Мое сердце билось все сильнее, чтобы превозмочь все это и оглушить саму себя, и забыть.

И это был один ящик, всего один!

Я запихнула туда настолько много мечтаний, я думала, что так смогу стать умиротворенной и счастливой женщиной.

Мне стоило призадуматься?

Что случится, если ящик откроется снова, а потом будет открываться еще и еще?

Это наводило на меня ужас, но нельзя не признать, что стало искушать все больше.

Однажды я спросила себя, кто же я на самом деле. Я спросила себя, куда ведет меня мой путь, и кто выбрал мне дорогу.

Если открою эти ящики, то что там найду?

Сумею ли я привести в чувство свою истинную суть, которую внешние условности довели до предсмертных мук?

Удастся ли мне преодолеть свои слабости и взглянуть в лицо своему страху?

Я по натуре оптимистка, люблю жизнь; я общительна и считаю, что дружба – дело важное, первостепенное.

К сожалению, среди женщин нередко возникают столь же неприятные, сколь бесполезные чувства зависти и ревности, вот почему особая солидарность и соучастие, которые поистине объединяют, устанавливаются крайне редко.

Найти настоящую подругу нелегко, но когда такая удача выпадает, гордыня и соперничество исчезают, и зарождается полное уважение, возрастает слепое доверие и лояльность.

Единение становится нерушимым, дружба становится благом, которое надо оберегать от маловероятных, а поэтому редких и случайных отрицательных моментов, которые смогли бы ослабить ее, но которые как правило бессильны против приятного чувства, которое ощущаешь, когда вы вместе, когда делитесь самыми сокровенными секретами, вместе смеетесь, преодолеваете жизненные трудности, испытываете одни и те же чувства, даже когда критикуете друг дружку, находите совместные решения; главная цель – единство, сила двух подруг.

Я знаю одного особого человека, у которого все эти черты есть. Стефания не только подруга, иногда она ведет себя по-матерински и щедро дает советы, а иной раз становится дочкой, которой нужна моя любовь; может показаться странным, но видеть ее в роли ревнивой невесты не так уж мало-

вероятно, чаще всего когда я несколько обделяю ее вниманием, но она остается плечом, на которое можно опереться, словом утешения, уважением к моему молчанию, пониманием моих слабостей, а еще приятным бременем, которое надо нести.

У Стефании атлетическое телосложение, она высокого роста, на несколько сантиметров выше меня.

У нее блестящие каштановые волосы с темными рыжеватыми переливами, напоминающими цвет амарантовой древесины, она часто заплетает их в косу, которая гибко скользит у нее по спине. Одевается она обычно в одежду свободного покроя, в манере одеваться предпочитает практичность; а я, наоборот, предпочитаю более женственные платья, которые она считает жеманными и слащавыми.

Ее непомерная искренность наряду с прирожденной прямоотой приводит подчас к безжалостным высказываниям.

Несмотря на то, что теперь нас разделяет дорога в сотни километров, я знаю, что всегда могу рассчитывать на нее, а она на меня.

Мы терпим друг дружку, остервенело критикуем одна другую и выносим суровые суждения, мы восхваляем друг друга и посылаем на три буквы... всегда с большой любовью, и нам трудно жить одна без другой.

Взаимное доверие делает нашу дружбу настоящей, особенной, вот этого-то часто и не хватает при связи любовной.

Нас объединяет одно большое влечение: колесить по даль-

ним далям.

Я всегда обожала путешествовать, путь делал меня счастливой.

Когда я удаляюсь от всего и от всех и оказываюсь в иных пространствах и часовых поясах, мне как будто удается оценить все оставшееся «извне»: издалека, поистине оторвавшись как физически, так и умственно.

Генри Миллер писал, что *«цель любого путешествия – никогда не место на карте, а скорее стремление взглянуть на положение дел по-новому»*: у меня тоже так, более того, у всех нас.

Когда я в пути, мне удается глубже заглянуть в самую себя, яснее разглядеть кто же я, и сделать себя лучше.

Как будто мир со всеми его сложностями удаляется, отодвигается горизонт, и я вновь нахожу в себе силы, свою энергию.

Когда я отрываюсь от привычной действительности, заряд адреналина вливает в меня столько сил, что придает огромную способность радоваться жизни, мыслить положительно и помогает найти правильные ответы.

Пуститься в путь означает сбежать в чужие миры, это всегда радость, которая вселяет в меня пьянящее чувство свободы и помогает вновь ощутить частичку моей независимости.

Я давно осуществила огромное желание, которое было у меня с детства: я стала бортпроводницей.

Прошло много лет, но момент, когда я решила изменить свою жизнь, я помню, как будто это было вчера. Этот день запечатлелся у меня в памяти. Сидели мы тогда вместе со Стефанией...

Хочу быть стюардессой

-Хватит, надоело! Терпеть больше не могу Марио, дошел до того, что следит за мной даже когда я сижу в баре за кофе со своими подругами, не хочет, чтобы я ходила в спортзал и запрещает мне даже здороваться с моим бывшим парнем!

Хочу больше думать о себе и стать независимой. Почему бы нам самим не организовать что-нибудь и не открыть свое дело?

Ты как видишь будущее, Анна? Тебе кем хотелось бы работать?

Так говорит мне Стефания, когда мы по привычке встречаемся поутру в кафе «Бар финансистов» напротив дома, ей не нравится перспектива будущей домохозяйки, к которой больше стремится ее ужасно ревнивый жених, чем она.

Я никогда всерьез не задумывалась над этим вопросом, и не строила строго определенных планов на будущее.

После классического лица я поступила в университет на юридический факультет, раз точные науки я не особо люблю, и стала работать секретаршей, чтобы платить за обучение и иметь возможность удовлетворить кое-какие маленькие прихоти.

Тогда я просыпалась каждое утро в один и тот же час, почти бегом завтракала и окуналась в хаос уличного движения, выстаивая по три четверти часа в нескончаемых очере-

дях перед светофорами, застревая в гудящих пробках у перекрестков, где меня пытались обогнать со всех сторон, чтобы сэкономить по зарез необходимые горстки минут и приехать вовремя на работу.

Каждый день на проспекте Баррьера-дель-Боско, где я, по меньшей мере, пятнадцать минут стояла, как обычно, в самой большой горячей пробке у светофора, я частенько видела одного человека, одного бездомного, он восседал на маленьком холмике, который соорудил из земли сам.

Он сидел на корточках под сенью дерева и взирал на бесконечный поток машин, все время тот же, день за днем.

Взгляд у бездомного был спокоен, он смотрел на действительность, далекую от своей: вот проезжают все эти мужчины, женщины и дети, заточенные в своих машинах.

Разглядывал он довольно тактично, как будто не хотел, чтобы люди заметили, что он внимательно на них смотрит и поражается, что каждое утро видит одни и те же обозленные и усталые лица, те же машины, которые вклиниваются в пробку одна за другой и застревают каждый раз по-разному, и все эти гудки, что возмущенно гудят; думаю, что он спрашивал себя, так уж ли трудно этим людям обрести спокойствие, которое сам он, по всей видимости, обрел.

Зрачки его внимательно перебегали с одной машины на другую и смотрели доброжелательно и снисходительно на уйму водителей, которые в свою очередь бросали сочувствующие и презрительные взгляды на него и на его пожитки,

разложенные на нередко влажном газоне.

Каждое утро я задавала себе вопрос, у кого из нас двоих на самом деле *крыша поехала*, у меня, раздраженной девицы за рулем, или у него.

Я всю ночь размышляла над вопросом, который задала мне Стефания про мое будущее.

Ответ пришел во второй половине дня к вечеру, когда я, как всегда, возвращалась с работы, сидя в своей «машинешке», я только что увернулась от лобового столкновения с одним дураком, который перерезал мне дорогу, только что кончился нескончаемый рабочий день все время в схватке с начальником отдела, любителем покомандовать и бузотером, и с коллегами, с которыми я предпочла бы никогда не встречаться, лицемерами и самодурами.

Я вышла из конторы и отъехала с места стоянки, которое я так долго искала сегодня утром и завоевала только после того, как довольно отчаянно полаялась с одним грубияном, который доказывал, что завидел это место раньше меня и оскорбительно орал, чтобы я пошла вон, загораживая въезд и не давая мне поставить машину.

В тот день после работы на машине я увидела всего лишь небольшую царапину, и задний дворник был злобно вывернут.

Каждый день я устало возвращалась домой, раскладывала по местам кое-какие вещи и готовила ужин на скорую руку из-за «голодного голода», который мне удавалось времен-

но утолить, схватив из холодильника холодные остатки вчерашнего ужина и кусочки сыра, пожелтевшие оттого, что я неплотно завернула их в пластмассовые упаковки.

«ХОЧУ ЛЕТАТЬ!» – вдруг прокричала я.

«Да! Вот именно! Хочу летать!»

Что меня манило больше всего, так это вырваться из заурядной повседневной *обыденщины*, из уличного движения, не видеть все тех же лиц и тех же мест. Мне хотелось знакомиться все время с разными людьми, переезжать с места на место, расширить свои взгляды, иметь возможность колесить по свету и вкушать блюда кухонь разных стран.

Так я думала, жуя галету и последнюю завалявшуюся оливку.

Я мечтала летать, мне хотелось стать бортпроводницей.

Я тут же позвонила Стефании.

Стефания была в восторге от моей идеи и объявила, что тоже хочет стать стюардессой; вот только беспокоило ее как сказать об этом жениху.

Через несколько дней мы встретились и с сияющими глазами и вырванной из одного журнала страницей внимательно и воодушевленно принялись читать указания:

Как стать бортпроводником

«Бортпроводник – синоним надежности и обязательности, элегантности и радушия; отменные организационные способности, настойчивость, выносливость, а главное, желание работать для других, встречаться с разными куль-

турами и странами – вот качества, которые необходимы, чтобы делать свое дело как можно лучше.

При отборе требуются практичность, способность предугадывать и решать затруднения, выстраивать хорошие взаимоотношения, ответственность, эмоциональная устойчивость, открытость взглядов и предрасположенность к новизне.

Личные данные:

Возраст от 18 до 32 лет.

Минимальный рост: 164 сантиметра для женщин, 172 сантиметра для мужчин.

Образование: аттестат о продвинутом среднем образовании.

Языки: итальянский и английский на безукоризненном уровне, предпочтительно знание третьего языка.

Хорошая физическая форма и умение плавать.

Отсутствие бросающихся в глаза татуировок».

С нашими данными и стремлениями все совпадало. Можно было попробовать, может удастся.

– Давай как можно скорее вышлем в авиакомпанию заявления с нашими резюме, – сказала я.

Сказано, сделано.

Стефания заполнила бланки участия в отборе, хотя жених завуалированно пригрозил ей не участвовать, и мы вместе все отправили, приложив фотографии, сделанные скрупулезно и с большим вниманием.

Своим родителям я ничего не сказала, так как была уверена, что они не одобрят и не поддержат мою задумку.

– Давай, теперь щелкай!

Мы тщательно выбрали, что надеть: внешний вид в этих случаях очень важен, *business-dress*⁴ был идеальным.

– Застегни, пожалуйста, блузку.

– Нет, повернись лицом немножко вправо и согни чуюток руки в локтях, держи руки за спиной.

Мы сняли с себя рваные джинсы, старомодные маечки, выбранные вместе на площадном рынке по пятницам, и полотняные «суперга» насыщенно-розового цвета, надели ужасные синие комплекты, которые надевали на свадьбу Агаты, одной дальней родственницы, и которые с тех пор много лет пролежали в забытии в шифоньере; красивые белые блузки, матовые чулки натурального оттенка, а завершали дело лодочки в тон комплекту.

Мы уложили волосы, закрепили их лаком и черными резинками, слегка подкрасились, широко улыбнулись, и щелк:

– Давай, снимай.

– Загляденье!

Примерно через месяц нам пришли письма с приглашениями приехать на первый отбор.

Когда я открывала конверт, у меня дрожали колени; Стефания чуть в обморок не упала.

Мы воспользовались оставшимися до отбора днями и

⁴ Деловой стиль (англ.).

походили на ускоренный языковой курс, чтобы освежить наш порядком запылившийся английский.

Я твердо намеревалась убедить родителей отпустить меня хотя бы на отбор, моя настойчивость переборола их недовольство; они не смогли отговорить меня и надеялись также, как жених Стефании, что мне не удастся пройти конкурс.

Мы сели в самолет и полетели в Рим, в город, где будет проходить это наше важное испытание.

Стефании пришлось купить подходящий для случая костюм. Она выбрала черный комплект, хорошо прилежавший к фигуре, но чуток слишком строгий, и это не придавало ей естественности и удобства движений; я влезла как можно лучше в свой комплект.

В самолете мы не в первый раз глазели с набожным восхищением на женщин в форменной одежде, которые совершенно непринужденно и профессионально расхаживали по салону, но в тот раз я испытала доброжелательную зависть.

Как только мы взлетели, я выглянула в иллюминатор.

Я увидела, как те машины, которые я встречала каждое утро, когда ехала на работу, все в той же пробке, становятся малюсенькими, я с силой сжала руку Стефании.

Мы без труда преодолели почти все этапы отбора, которые проходили в разные дни, подталкивали нас невообразимый задор, энергия и воодушевление, они свели на нет нашу робость и открыли неожиданную даже для нас самих склонность к лидерству.

Собеседование с психологом стало для Стефи самым трудным.

Я первой вошла в залитую светом комнату, где сидел человек, задачей которого было проэкзаменовать нас в последний раз перед финальным углубленным медицинским осмотром.

Для меня это вылилось в приятную и расслабляющую беседу, но я заметила, что он пытается поставить меня в затруднительное положение, и старалась не поддаваться на его провокации.

Я была счастлива.

Неожиданно, после того, как мы коротко представились друг другу, он сказал, что не считает меня человеком положительным, корректным и общительным, каковым я описала себя; я ответила, что мне очень жаль, но его мнение меня не волнует и что оно скорее всего сложилось потому, что познакомились мы наспех.

Меня пригласили участвовать в следующем этапе.

На выходе я подмигнула Стефи.

– Ничего страшного, заходи спокойно, – сказала я ей.

Стефания зашла сразу после меня.

Пробежала горстка минут, и она выходит с хмурой миной на лице.

– Да пошел он, кого он из себя строит, этот невежа?

– Стефания, да что случилось, рассказывай?

– Не знаю, кто он такой, но уж точно не хочу больше иметь

никакого дела с таким типом как он! Начал говорить, что у меня волосы не причесаны и одета я ни как подобает!

– Не причесаны волосы? Не так одета?

– Ну и грубиян!

– Да как он себе позволяет?

– Вопросы задавал как минимум неуместные, очень личные, и я ему ответила, что это его не касается! Потом говорит мне: «Да ты кем себя выставляешь?» И тут уж я рассвирепела, меня зло взяло, и я ответила ему, чтобы поостерегся так со мной разговаривать; а потом хлопнула дверью ему в лицо!

На этом экзамене проверялось насколько мы в состоянии выдерживать психологическое напряжение; при работе, где постоянно взаимодействуешь с людьми, эта способность необходима.

Не стоит и говорить, что на следующий этап Стефанию не позвали.

Она в смятении вернулась домой, спрашивая себя, где ошиблась. Единственным, кто обрадовался, что экзамен провалился, был ее жених, а вопросы, которые она задавала себе, навсегда остались без ответа.

А для меня начался трехмесячный курс, где меня научили как тушить пожары и как вести себя в критической ситуации.

Помимо этого, я выучила технические детали разных образцов самолетов и состав экипажей, основы медицины, чтобы получить пригодность на оказание первой помощи, и после того, как сдала экзамены по технике, медицине и англий-

скому языку при Чивилавиа (это организация, которая выдает свидетельства), я была готова войти в самолет в форме, которую так вожелела надеть: в форме стюардессы.

На курсах я познакомилась с тремя девушками, и мы стали подругами: с Евой, Валентиной и Людовикой.

Все время учебы мы жили в гостинице в одном номере, а после того, как нас приняли на работу, решили вместе снять дом во Фреджене, в курортном городке неподалеку от аэропорта Рим-Фьюмичино, от нашей базы вылета.

Так началась наша летная жизнь.

Я, Ева, Валентина и Людовика

В доме было две комнаты, в каждой комнате двуспальная кровать, в единственной ванной было людно, трудно было обнаружить ее не занятой, также редко был свободным домашний телефон.

Мы постарались приспособиться к такой обстановке и нам удалось притереться одна к другой, не обошлось без размолвок, мы постарались пойти на небольшие уступки (труднее всего было решить, когда и кто должен мыть грязную посуду).

У Евы были прекрасные рыжие волосы, волнистые и мягкие, они скользили у нее по плечам, в самые солнечные дни ее светло-карие глаза казались чуть зеленоватыми, у нее был изящный стройный стан; она приехала из «верхнего Бергамо», как она говорила, а душой была «истой неаполитанкой», радушной и пылкой; свой беспорядок она любила, у нее всегда была маска для лица, которую стоит испробовать, и она часто ходила по дому с намазанной на лицо любимой маской, той, из просеянной глины зеленого цвета, а шевелюру она смазывала маслом со сладким миндалем для смягчения волос.

Людовика никогда не переставала болтать, и я не знала, как остановить вышедшую из берегов реку слов, которая захлестывала тебя, едва откроешь рот.

Она была блондинкой с красивейшими кудрями, глаза насыщено-голубого цвета и гладкая, светлая кожа, фигура у нее была гармоничной и мягкой; она все содержала в порядке и аккуратно (не так, как Ева), носила фирменные костюмы и клала свитера каждый в отдельный пластмассовый прозрачный пакет; умела отлично готовить.

Родом она была с Сардинии, у нее был жених, ее одноклассник, который часто заночевывал у нас, иногда вынуждая жившую с ней в комнате Еву спать на диване в гостиной.

Людовика фанатично занималась завивкой волос.

Я спала в комнате с Валентиной, девушкой жизнерадостной и полной энтузиазма, очень чувствительной, честной и щедрой.

У нее были темные прямые волосы, стрижка «каре», черные глаза, очень глубокий и чувственный взгляд, фигура поджарая и хорошо сложенная.

По вечерам Валентина любила посидеть допоздна, прежде чем пойти спать, лучше если в компании со своей любимой горькой настойкой: «Монтенегро» со льдом. По утрам она долго мешкала в ванной, так как контактные линзы сильно не давали ей покоя.

Жили мы очень дружно.

– Сегодня нас пригласили на приветственную вечеринку домой к тем двум пилотам, которые живут на улице Мазотта напротив нашего дома! – ликовала Ева.

– Почему бы не сходить, – сказала я.

– Да, – кивнула Валентина.

– Мне любопытно познакомиться поближе с нашими соседями.

Людовика тут же «встала под фен», я примерила почти все платья, что висели в шифоньере и спросила себя, сумею ли когда-нибудь застегнуть боковую молнию на тех изумительных голубых брюках; Ева смазала волосы новым маслом с ароматом ландыша, а Валентина побежала краситься первой.

Мы счастливо сделали первые шаги в том маленьком, отрезанном, до сей поры неведомом мире: в царстве «летучих», как принято называть тех, кто на самолетах работает, отличном от мира всего лишь «пассажиров».

Что мы в «них» сразу заметили, так это знание и частое пребывание в местах, куда мы лишь мечтали съездить, а также то, что добираются они туда крайне легко, благодаря привычке перемещаться; умение приспособиться в любой точке земного шара, благодаря знанию народов и территорий, культур и традиций; множество знакомств в разных местах, которые они могли поддерживать, так как бывают там постоянно; открытость взглядов, необходимая для того, чтобы взаимодействовать с миром и его обитателями, а еще много причуд и навязчивых идей, которые каждый из них приносил с собой из дома в чемодане, в своем крохотном втором доме.

– Когда вы сделаетесь летучими, останетесь ими на всю

жизнь, – сказали нам вполголоса, будто поведали сокрытую истину, клеймо, которое мы будем носить вечно. Мы поняли, что стать «летучими» – это как бы начать жить двумя параллельными жизнями, которые чередуются каждый раз, когда уезжаешь на работу, а как только возвращаешься в отдельно взятый личный реальный мир, будто говоришь на новом языке, которого другие не понимают, на котором весь мир – твой дом, а твой дом – весь мир.

Мы открыли, что почти каждый вечер кто-нибудь где-нибудь собирается. Мы были чем-то вроде большой семьи, из которой встречаются те, кто вернулся из рейса и отдыхает между одной сменой и другой, но если на завтра им вылетать, каждый раз давалось слово пойти спать пораньше, чтобы поутру не проснуться с назойливой головной болью и тошнотой, которые в полете от высоты и кондиционированного воздуха станут вдвое сильнее.

На работе надо быть безукоризненными, полеты и пассажиры, с которыми придется иметь дело, станут суровым испытанием, это мы отлично знали.

После того, как в просторном зале великолепного дворца мы подписали договор о приеме на работу и с большим удивлением указали бенефициара страхового договора на случай смерти, в сильном волнении отметили, что тоже скоро станем летающими «летучими».

Первый полет

Первый полет не забывает никто.

Меня поставили в смену на Париж, я страшно волновалась, смущенно вошла первой в самолет, совершенно пустой, готовый до входа пассажиров принять наш экипаж. Наконец-то я начала познавать «секреты *galley*», это что-то вроде бортовой кухни, где стоят печи для разогрева обедов, холодильники для прохладных напитков, все тележки с бортипитанием, и есть угол, предназначенный для отходов. В этом отсеке подготавливают все питание перед подачей, а для стюардесс это самое приятельское и укромное место, единственное достаточно уединенное, где можно на несколько минут отделиться от пассажиров, благодаря шторе, которая дарует драгоценные моменты для себя во время непомерно долгих рейсов: откровенности и секреты вполголоса зачастую рассказывают и поверяют здесь в «шкатулке тайн» стюардесс.

Я вместе с экипажем проследила, чтобы все было хорошо прибрано, чтобы служба питания загрузила как надо все тележки, проверила печи и холодильник, чтобы устройства и лампочки аварийного освещения были в исправности и работали.

Я делала все ни как мои коллеги, они работали очень непринужденно и уверенно, были уже «старичками авиакомпании», так их называют.

На курсах нам показали все дверцы, тележки и ящики, втиснутые в самолет; было их бесконечное множество, и в каждом предметы, необходимые, чтобы полет прошел успешно.

Я решила открыть их все, взглянуть что там и запомнить, чтобы суметь отыскать нужное скорее.

Когда я их закрыла, забыла, где какой ящик и что в нем лежит, ящиков было слишком много, и с виду все одинаковые.

Я открыла и закрыла ящики десятков раз. Иногда угадать, где лежит то, что мне нужно, помогало везение, порой после частичной победы над пакетиками с кофе и сухим молоком я отступала, не найдя пластмассовых чашек. Подозреваю, что повязки для глаз перескакивали в другой ящик в каждом рейсе, как по мановению руки фокусника: мне казалось, что я видела их в одном ящике, а они лежат в другом.

Я мельком взглядывала на юбку чуть ниже колена, на гладкие матовые чулки натурального цвета, которые до этого никогда не носила, на классические кожаные туфли-лодочки на каблуке строгой формы в тон к сумке; на хорошенько отглаженную блузку, платок на шее, на жакет со значком авиакомпании и обязательную пластинку с именем.

Все это было на мне, теперь на мне. Эту форму я надела впервые, надела ее как можно аккуратнее, на этой пластинке выгравировано мое имя, это было большой честью, и носила я пластинку с гордостью, воодушевлением, почти торже-

ственно: то было началом великолепной мечты.

Мне хотелось щелкнуть еще одну фотографию и послать ее Стефании; улыбка, сияющая у меня на лице и запечатленная на фото, на этот раз была бы искренней по сравнению с нашими снимками для участия в отборе, я написала бы ей, как мне не хватает ее и как я хотела бы, чтобы она была рядом.

В те минуты скованность и первополетное волнение «наградили» меня крайним напряжением.

Цвет форменного жакета очень походил на расцветку спинки кресел, и я отождествляла себя скорее с креслом, чем с «настоящей» стюардессой.

К счастью, справилась я отлично, и полагаю, что никто не заметил моего беспокойства все время полета. Может что-то заметили, когда я в первый раз проводила *инструктаж*, показывая приспособления безопасности и различные выходы из воздушного судна.

Все глаза смотрели на меня, и я была не готова встретить непринужденно эти бесчисленные взгляды, которые разглядывали меня с ног до головы.

Когда я показывала, как застегнуть ремень безопасности, я ощутила, что щеки у меня запылали, а руки вспотели и задрожали мелкой дрожью.

Мне никогда не составляло труда вставить металлическую застежку в паз, но в тот момент вставить ее оказалось трудно; я старалась сдержать не прекращавшуюся дрожь в пальцах,

которая не давала мне нашарить нужную щель.

С меня градом лил пот, но я довела до конца этот нелепый инструктаж жестами, похожий на танец, который вытанцовывали мои руки.

Я походила на актрису немого кино, вот собрались зрители и слушают текст, который зачитывается и передается по громкоговорителям самолета, а я жестами подчеркиваю даваемые указания.

В момент приветствия по радио было так странно и необычно слышать собственный голос, который раздавался по всему самолету, и лишь через много рейсов модуляция у меня стала лучше, и я тщательно постаралась убрать всяческие диалектные интонации, прежде всего в произношении этого жуткого гласного «о», который из растянутого мне надо было произносить фонетически закрытым и не растягивать, и который мне приходилось повторять часто:

– Дбобрый день, добро пожаловать на бборт.

– Дбрбо пожаловать в Рим.

Я почувствовала, что если сожму щеки, прикрою рот и сведу челюсти, округлю губы, вытяну их вперед, и буду стараться не говорить в нос, то смогу укоротить звук «о».

«Дбобрый», «бборт», «дбрбо» наконец-то стали: «Добрый», «борт», «добро».

После внутреннего рейса Рим – Болонья, а за ним международного Болонья – Париж я долетела до конечного пункта несмотря на то, что эта проклятая «о» не оставляла меня ни

на минуту.

Мы распрощались с пассажирами, и подошедший к самолету автобус увез меня и экипаж в гостиницу, где по устоявшейся привычке, когда нам дали ключи от номеров, мы договорились встретиться и пойти вместе на ужин.

– Увидимся в 20.00, но без всякого принуждения.

Так сказали мне коллеги, прежде чем подняться в номера переодеться.

Я познала на своей шкуре, что не опаздывать очень важно.

Я была рада, что оказалась в славной компании и что меня поведут с собой те, кто хорошо знает город.

Мы собирались поужинать в знаменитом ресторане «Купол» на бульваре Монпарнас, где отменно готовят антрекот и подают хорошее вино.

Я буду смаковать устрицы и аперитив, сделаю множество снимков в память об ужине, покажу их Стефании, маме, папе, двоюродным сестрам, я стану их парижской принцессой, которая ужинает в знаменитом французском ресторане вместе с людьми, которые ездят по свету, знают мир и останавливаются в роскошных гостиницах, и я тоже с ними, я частичка той мечты, которая становится явью.

Я решила не спускаться в гостиничный холл точно вовремя, потому как «дама всегда должна чуточку заставлять себя ждать», по крайней мере там, где выросла я.

Я научилась, что «коллеге» так поступать не дозволено, потому что *без принуждения* означает: «Опаздывать разре-

шается максимум на пять минут».

Ужинала я в одиночестве в гостиничной закуской, где подавали лишь запеченные бутерброды: я взяла крок-месье⁵ с ветчиной и божественный *soupe d'oignons*, который называют попросту луковым супом. Здесь все было другое, даже суп.

Мне тогда было непривычно ужинать в ресторане одной, и я почти что стыдилась; свое смущение я прятала в книге Хемингуэя, которую открыла и положила рядом с тарелкой, и в мобильнике, который держала в руке; столики были во французском духе, маленькие и почти прижатые один к другому, около меня сидела элегантная женщина, волосы собраны в пучок, одета в комплект от Шанель.

На следующее утро я сходила посмотреть Эйфелеву башню, быстренько сбегала к Триумфальной арке и поглазела на сверкающие витрины Елисейских полей, потом торопливо пообедала в знаменитом ресторане «Венецианский ям» у Порт-Майо на улице Перейра и не преминула заглянуть в известную парикмахерскую «Карита», где умело меняют прическу и, прежде чем сделать стрижку, изучают черты лица и выбирают какая стрижка подойдет лучше.

Парикмахерскую мне посоветовала одна коллега, которая «разбиралась в прическах», мы с ней столкнулись в промежуточном аэропорту, у нее стрижка была умопомрачительная.

⁵ Горячие бутерброд из поджаренного хлеба с сыром и ветчиной.

Никогда не следу́й бездумно советам коллег, это я тоже познала на себе.

С ужасной челочкой над бровями и почти опустошенным банковским счетом (к счастью, у меня с собой была кредитная карточка, а шампанским и тартинками с лососем угостил парикмахер) я вернулась в гостиницу точь-в-точь, чтобы вовремя надеть форму, постараться загладить челку назад гелем и всеми силами застегнуть чемодан, который когда возвращаешься, кто знает по какой неизвестной причине, словно уменьшается в объеме, и ни один полет не составляет исключения.

На этот раз в чемодане не хватало места из-за шляпы в стиле ретро с широкой плиссированной лентой вокруг тульи, я знала почти наверняка, что надеть ее у меня все равно не будет случая, но, несмотря на это, шляпа взбудоражила мне воображение, и поэтому я не устояла и купила ее, когда увидела на блошином рынке в Сент-Уан.

Одна коллега в этом рейсе сказала мне, что во время пересмены побывала в универмаге *Лафайет* и в магазине на улице Дю-Бак, где можно купить все от дивана фирмы П. Старк до карманного фонарика размером не больше телефонной карточки, от причудливой хозяйственной сумки до шифоньера, сделанного из веревок и пуговиц. Я взяла на заметку: тоже схожу туда в следующий раз.

Как только мы приземлились, чтобы отпраздновать сообща мой «первый раз» коллеги приготовили в честь меня

«мягкую посадку», это напиток из шампанского и апельсинового сока.

Я с ликованием вернулась домой, готовая показать свою новую шляпу Еве, она единственная оценила бы покупку больше двух других коллег и наверняка попросила бы одолжить. По крайней мере, шляпу кто-то будет носить.

Валентина лежала на кровати, она была без сил от дальнего рейса, не привыкла к внезапной перемене времени и температуры.

В Буэнос-Айресе зима, а здесь в Италии лето, разница по времени 4 часа.

Ее организм ощущал будто сейчас ночь раз она не спала добрых тринадцать часов (примерно время полета), но солнечный свет и яркие всепобеждающие лучи говорили, что идет время обеда, дело странное, раз она совсем недавно съела на борту ужин.

К сожалению, этой ночью мне тоже не удалось заснуть, раз мы жили в одной комнате.

Поблекший макияж на лице у Людовики и ее кудри, которые как будто обессилели и восстали против резинок, которыми их надолго связали в хвост, подтверждали, что ей тоже нужен отдых, поскольку из-за пониженного давления в самолете ноги у нее вздулись как два шарика.

Не новость, что ее «нелетучий» жених, как и все будущие муженьки стюардесс, поутру захотел провести весь день с возлюбленной, с которой видится не слишком часто; как

прекрасно было бы в полдень пообедать вместе, после обеда прогуляться по городу, а вечером – отличная идея – «киношка после ужина?».

Не стоит даже стараться объяснить, что невесте надо хорошенько выспаться, какой бы час не указывал меридиан Гринвича.

Трудно вдолбить в голову жениху, что мы не в отпуск для своего удовольствия летаем и что те мягкие кресла с подлокотниками и наклонными спинками предназначены для пассажиров, а не для стюардесс; и что у нас нет времени наслаждаться фильмами, премьеры которых показывают в кинотеатрах.

Мы работаем подолгу и возвращаемся без сил.

Открываю холодильник и уже предвкушаю «bife de lomo» (говяжье филе), которое Валентина привезла из Аргентины и в полете хранила в сухом льду.

На кухне вижу новый нож с керамическим лезвием и разные пакетики зеленого чая и догадываюсь о причине непослушания кудрей Людовики: рейс на Токио длится по меньшей мере двенадцать часов, даже ее всегда безукоризненная завивка не выдержала. Прежде чем удалиться из кухни на свой «послеполетный отдых», Людовика описала нам свои впечатления о городе с его бешеными ритмами в противовес мягкости характера жителей с их крайней робостью, отчего они часто прикрывают ладонями рты, когда смеются, с их тысячей поклонов при встрече. Ее поразили высо-

ченные небоскребы, великое множество машин и пешеходов на улицах, непонятные надписи японскими идеограммами. Она рассказала, что ходила на рыбный рынок *Цукидзи*, самый большой в мире, такой чистый и прибранный, что видела магазины канцтоваров в девять этажей и бары, которые вмещают самое большее пять человек; что заблудилась в Харадзюку, в модном квартале на узенькой улочке Такэсита среди магазинчиков мод, куда заходит молодежь и где продают броскую и вычурную одежду; узнала, что существуют рестораны, которые называются *Мэйд Кафе*, где официантки кладут посетителям пищу в рот, чтобы продемонстрировать свою подчиненность, делают им массажи и, как гейши в старину, развлекают танцами и песнями, а в *Батлер Кафе* буфетчики обслуживают таким же образом женщин. Она сообщила нам, что цены на новые модели фотоаппаратов и видеокамер очень хорошие и что можно найти даже бывшие в пользовании, но в очень хорошем состоянии, а также новинки техники, которых в Италии еще нет, и что на часы престижных марок цены ниже на 35% по сравнению с итальянскими ценниками, и что в магазинах *Best* можно найти даже часы, бывшие в пользовании, но с гарантией. И сказала также, прежде чем свалиться от усталости в постель, что в ресторане под названием «*На зубок*» спагетти очень вкусные, даже может быть вкуснее итальянских, и что она осталась в восторге от хиропрактического массажа, который ей сделали в квартале Синдзюку.

Мы научились соблюдать простые, но необходимые правила, которые я прилежно написала на бумажке и прикрепила к холодильнику магнитом, который Валентина купила в Буэнос-Айресе, на нем были нарисованы два танцовщика танго и написано «Bienvenido in Argentina», он был первым из длинной череды магнитов, привезенных со всех концов света, мы ими буквально залепили весь холодильник и в результате потеряли из вида ту памятку, которая поначалу стала очень полезной, и мы заглядывали в нее перед каждым полетом. С годами памятка въелась мне в память.

В той памятке говорилось так:

«Чего не надо делать:

– Не создавать впечатления, что спешишь.

– Никогда не разговаривать с коллегами в рабочее время о личных делах.

– Не делать скучающую или ленивую мину, не вести себя холодно.

– Стараться не говорить повелительными предложениями, как например:

«Поднимите столик!»

«Ремень!»

«Сотовый телефон!», а вежливо приглашать пассажира соблюдать требования.

– Не разговаривать с коллегами громким голосом.

– Не отчаиваться, когда ищешь места рядом с пассажирами, которые едут вместе, при необходимости пересаживать.

вать кое-кого и советовать приходить на регистрацию билетов заранее, чтобы было больше выбора при распределении мест.

Что надо помнить:

А – Основные требования: способность обеспечить безопасность на борту, ответственность и профессиональность.

Б – Пассажир нуждается в психологическом комфорте, защите от стресса и от боязни летать на самолете.

В – Необходимые составляющие: вежливость, внимание и чуткость на все время полета».

Со временем мы уяснили, что для разрешения затруднений на борту наше поведение является основополагающим.

На некоторые недостатки и недоработки пассажиры были вправе жаловаться, и поэтому необходимо было предпринять какие-то меры; суметь установить открытый диалог и постараться разрешить трудности и вопросы, которые встают на борту, это порой бывает нелегко.

Надо принимать во внимание насколько серьезно затруднение, в какой момент оно случилось, характер и психофизическое состояние человека, с которым общаешься, потому что никогда не знаешь с кем имеешь дело, что из этого может выйти и во что впоследствии может перерасти.

Очень важно спокойно и решительно поддержать пассажира, понять в чем его затруднения и стать для него твердой опорой, понять почему это произошло и вникнуть в суть

проблемы.

Важно было слушать, что говорит пассажир, но помимо этого рассматривать ситуацию объективно, изложить пассажиру факты и объяснить ему все вежливо и с ответственностью за свои слова, и ясно проиллюстрировать возможные решения.

Зачастую пассажиры недовольны из-за не зависящих от нас причин, таких как запоздания рейсов, трудности при пересадке, беспорядочная посадка на самолет, некомфортное воздушное судно, прибрали в салоне впопыхах, поэтому вести себя с пониманием и предлагать решения может помочь разрешить трудности.

Боязнь летать

Как-то давно одним октябрьским днем Ева сделалась невыносимой после всегдашний полемики на тему поддержания порядка в доме, так как упреки были адресованы прежде всего ей.

Я слышала, как она бранилась, приправляя свои слова речениями на неаполитанском диалекте, а вообще-то в ее речи диалектных выражений не было.

Уж не частые ли космические излучения, магнитные поля, колебания или шум самолетов действуют на Еву так, что у нее портится настроение?

Тем временем Людовика решила записаться на аюрведический массаж к одной индианке-косметологу, чтобы придать тонус мышцам, расслабиться и восстановить кровообращение – та приспособила для массажа помещение неподалеку от нашего дома, – и сообщила мне, что с понедельника садится на диету, потому как Ева сказала, что в последнее время она вроде бы набрала вес.

Я свернулась клубочком на диване, в свободной домашней одежде, на мне бесформенный мужской кардиган кремового цвета, ноги укрыты пледом, который оберегает меня от первых зимних сквозняков, я собиралась предаться отдыху, умственно отключиться.

Заснуть мне не удавалось, поскольку «послеполетный»

адреналин еще не развеялся.

Вдруг накатились на меня воспоминания о только что прошедшем дне.

На борту я познакомилась с супругами Люкерини: госпожой Лукрецией и господином Массимо.

Во время посадки я сразу заметила в их поведении признаки натянутости; пара направилась занимать свои места, они слегка горбились, едва переставляли негнущиеся ноги, подбородки втянуты, головы склонены, движения вялые, обреченные.

У мужа одеревеневшие руки вытянулись в струнку по бокам, жена скрестила руки на груди, будто бессознательно старалась оградить себя от чего-то, оба оглядывались по сторонам, словно что-то высматривали, путь к бегству; зрачки у обоих настолько расширились, что казалось они заболели мидриазом.

Передвигались медленно, и я заметила, как они слабо улыбнулись мне, я тоже вежливо улыбнулась в ответ.

Они скованно опустились в кресла, уселись на краешек, одна нога выставлена вперед, а другая чуть позади, будто вот-вот собираются вскочить и убежать, все время ерзали, словно кресла жгли им зады.

Мой старший по смене – он здорово смахивал на Джеймса Дина, прямо двойник, всегда веселый, но с едва ощутимой искоркой печали во взгляде – сделал мне знак, чтобы я занялась супругами.

Я подошла к паре и спросила, могу ли чем-нибудь им помочь, жена ответила нет, а головой кивала, как будто говорила да, и принялась раскачиваться всем телом, стараясь не дышать, точно не хотела, чтобы их видели.

Я сразу поняла в чем дело. Лукреция страдала расстройством, которым страдают многие, оно создает множество затруднений и может поразить кого угодно: боязнь летать на самолете.

На курсах меня научили, как надо поступать в таких случаях: чрезмерный страх может перейти в панику, боязнь становится неодолимой и может даже привести к утрате самоконтроля.

Появляются такие симптомы, как головокружение, тошнота, комок в горле, учащенное сердцебиение, холодный пот, тахикардия.

Пара не просила, но я все же дала несколько советов, что делать, если им вдруг станет плохо; когда стараются пресечь беспокойство, это приводит лишь к тому, что оно возрастает, и надо наоборот признать, что тебе страшно и отнестись к своей боязни положительно, чтобы суметь сдержать ее в узде и стерпеть.

Кроме того, чтобы они не заикливались на страхе, я посоветовала им не пить кофе, почитать книжку или поразгадывать кроссворд.

Во время взлета я увидела, как они побледнели, и с их места поступил вызов.

Я отстегнула ремень безопасности и подошла посмотреть, как они себя чувствуют.

Лукреция заговорила чуть откровеннее:

– Простите, что побеспокоила, – робко произнесла она, – я хотела сказать, что мне жутко страшно, как только еле-еле тряхнет, у меня будто желудок надвое режут; дело в том, что воздушные ямы у меня вызывают нехорошие ощущения. На самолете мне приходится лететь в Германию к матери, она уже совсем старушка, и не полететь нельзя.

Я увидела, как она провела рукой по голове и принялась неистово крутить меж пальцев прядь волос.

Муж нежно обнял ее, он горбился, чувствовал себя неловко, сжал зубы, ладони у него вспотели; в нем тоже угадывались признаки страха.

– Во время грозы опасно летать? – спросил он меня едва слышно, недоговаривая слов, слогами, мышцы у него на лице беспрестанно дергались.

И он забарабанил пальцами по откинтому перед ним столу.

Я твердым и решительным голосом сказала:

– Нет, у нас все под контролем, если бы была какая-то опасность, мы не полетели бы. Все под контролем, – еще раз повторила я. – Дождь никоим образом не повлияет на безопасность полета, возникнут кое-какие неприятные ощущения из-за ветра, но он вызовет всего лишь заурядную качку.

Я вернулась в *galley* помогать коллеге с подготовкой пи-

тания.

Вскоре Лукреция пришла вслед за мной.

– Пожалуйста, помогите! Я вот-вот закричу, заплачу. Каждый полет – прямо беда, начинаю нервничать аж за месяц до полета, при одной мысли, что надо собирать чемодан. Мне так стыдно, не знаю, что делать, хочется провалиться на месте! – горячо и смиренно взмолилась она.

– Не тревожьтесь, вам, наверное, кажется, что самолет трясет, но это мы всего лишь выходим на нужную высоту.

Я медленно, но без колебаний, подошла к ней, встала рядом.

Негромким голосом, ясно и отчетливо выговаривая слова, произнесла:

– Не беспокойтесь, я тут, с вами, – сказала я, чуть склонившись над ней и стоя совсем близко, постаралась помочь ей, как она просила, попыталась рассеять ее смущение, отвести от нее тревогу.

Я относилась с уважением к ее неразумному страху и понимала, насколько неловко она себя чувствует.

Я твердо взяла ее руку, тихонько сжала в ладонях и посмотрела ей в глаза, чтобы она почувствовала, что я тут, близко.

Проводила ее на свое место.

Лукреция напоминала мою маму, тот же возраст, очень благовоспитанная, с виду хрупкая, и таким образом мне легко было настроиться на волну ее чувств.

Во время полета я прошла по салону несколько раз, и каждый раз смотрела на нее, чтобы успокоить взглядом.

Самолет трянуло, и еще, и еще раз, и она снова вызвала меня, я постаралась развеять ее сомнения и страхи, которые не хотели уходить, и это было заметно по тому, как она сидит все в такой же застывшей позе.

Я сказала ей, что уровень безопасности на самолетах самый высокий, что техническая проверка и техобслуживание проводятся постоянно, и что пилоты отлично обучены.

Когда мы готовили салон к посадке, она спросила меня с деланной беспечностью:

– А все эти шумы, это нормально, или что-то случилось?

Я рассказала ей откуда исходят шумы, которые могут показаться подозрительными: выпускаются шасси, открываются люки, набираем скорость и меняются обороты двигателей, выпускаются закрылки и предкрылки из крыльев, зазвенел наш внутренний телефон, запищал зуммер, это кто-то из пассажиров зовет нас.

Я чувствовала, что знать все это шло ей на пользу, хотя она не переставала неосознанно грызть ногти.

Я посоветовала ей делать глубокие и медленные вдохи и выдохи, чтобы насытить легкие кислородом и расслабить мышцы, и добавила кое-что из приемов аутогенной тренировки для постепенного расслабления.

Теперь Лукреция как будто уселась более непринужденно, поудобнее, и господин Лукерини тоже, хотя лицо его продол-

жало выражать неуверенность, губы у него застыли в улыбке, при которой правый угол рта поднимался чуть выше левого.

– Ты наш небесный ангел, – проговорил он.

При снижении самолет тряхнуло всего чуток, так как мы пролетали через зону турбулентности, и полет завершился мягкой посадкой.

– Дамы и господа, добро пожаловать. Желаем вам приятного пребывания во Франкфурте.

Во Франкфурт мы прибыли точно вовремя.

Прежде чем выйти из самолета, Лукреция сдержанно и изящно обняла меня и сказала:

– Спасибо.

Это я была благодарна ей за вежливость.

Муж крепко пожал мне руку, он снова обрел силу и заблистал аристократичностью, которая угадывалась в нем с самого начала.

– До свидания!

Вот что мне запомнилось из только что завершившегося полета, воспоминания накатываются неожиданно, когда собираешься вновь насладиться теплом домашнего очага. Вдруг я услышала, как хлопнула дверь.

Это вышла Ева.

Я натянула одеяло на голову, чтобы умерить лившийся в окно свет.

Пришло время отдохнуть. Я почти погрузилась в сон, потерявшись среди раздумий: надо учитывать, что летать в

ограниченном и скованном пространстве самолета может быть неестественным, поэтому вполне допустимо, что кто-то поддается своим личным неосознанным и отдаленным страхам. И в этот момент я вспомнила кое-что из своего прошлого. Я осознала, что отдельные моменты могут обусловить практически всю жизнь.

Отрочество

В юности свободного времени мне давали мало, и это доставляло мне немало терзаний, так как в предоставленной мне ограниченности пространства и в короткие моменты дозволенной свободы я чувствовала себя узницей, ведь мне надо было скрупулезно и беспрекословно соблюдать навязанное расписание.

Я не была хозяйкой своего времени.

Я вспомнила, что до восемнадцати лет в редкие субботние вечера, когда мне разрешали пойти куда-нибудь с друзьями, возвращаться надо было не позднее самое большое двадцати двух тридцати.

Мои друзья встречались в двадцать один час и думали, куда пойти ужинать, за стол мы садились как правило не раньше двадцати двух.

Мне всегда было торопно, я нервничала, если официант подходил не сразу, мне никогда не удавалось от души посидеть в компании, потому что я знала, что надо возвращаться домой, возвращаться слишком рано.

Я едва успевала заказать пиццу в надежде, что обслужат быстро, и я смогу, по крайней мере, откусить кусок этой пиццы, хотя аппетит пропал, так как желудок у меня уже начинал напрягаться, а желудочные соки бурлили от треволения.

В любом случае, я вставала из-за стола уже с большим

опозданием, никак не попасть домой в указанный час.

Было всегда трудно упротить кого-нибудь прервать ужин и довезти меня до дома, но время возврата было неукоснительно и категорично, а у меня ничего такого, на чем можно было доехать, не имелось.

Во время гонки до дома по моей несознательной жалобной просьбе никаких ограничений скорости не соблюдалось. У светофоров мы зачастую легкомысленно и неразумно пролетали на красный свет.

Мчавшийся на всей скорости мотороллер наводил на меня ужас, который остался у меня по сей день. Я смотрела как перед глазами, словно в кошмаре, бешено мелькают вечерние огни; фары встречных машин и фонари проскакивали, по моему разумению, слишком быстро.

Вот какая цена за то, чтобы избежать унижений и злостных упреков по возвращении домой; только осмелюсь я не приехать вовремя, дверь изнутри запрут, и мне придется выдумывать всяческие оправдания, стараясь сделать так, чтобы не появилось грозного выражения на лице моего отца, которого злило мое непослушание и неуважение к нему, а к тому же он наверняка беспокоился.

Угрозы, наказания и порицания постоянно выражались криком, пощечинами и новыми строгими запретами.

И все это, даже если запоздаешь самую малость.

Самую малость.

Папа, явно, был слишком строг.

Я помню день, когда была страшно рада, что мне разрешили пойти на день рождения моей лучшей подруги, до этого я несколько дней упрашивала отца.

На день рождения должен был прийти и один мальчик, мой одноклассник, который мне очень нравился.

Оделась я, конечно же, принимая во внимание отцовские предпочтения, или, наверное, лучше сказать строгости, то есть, юбка не слишком короткая, блузка не слишком приталенная и туфли без каблука, но я решила испробовать косметический набор, который мне подарили.

Неумелыми руками я пересолила с такими розовыми, такими, на мой взгляд, красивыми румянами на щеках, а с той помадой, такой блестящей, такой алой у меня на губах я ощущала себя самой прекрасной, мазок туши для ресниц должен был завершить дело.

Мне было шестнадцать лет, и по мнению папы не пристало краситься столь отвратительно его дочке, которая сделала попытку предстать слишком пленительной девочкой.

Он разозлился, с силой провел рукой мне по губам и размазал помаду по щекам, стараясь стереть у меня с лица всю тщательно нарисованную красоту.

На глаза у меня навернулись слезы, и по распухшим от плача векам расплылись черные круги; в ванной я взглянула на себя в зеркало и увидела клоунскую маску.

После того, как я умылась с мылом, которое ело глаза, но устранило все оставшиеся от туши пятна, наконец-то мне

разрешили пойти на день рождения, и я отправилась на тот вожделенный праздник с чуть раскрасневшейся робкой миной и без макияжа.

Там я так и не повеселилась.

В те юные годы мне страшно хотелось сбежать, отправиться далеко, уехать, путешествовать, жить одной.

Мечтания, хоть и вооруженные настойчивостью и душевной силой, иногда сбываются, а иногда нет.

Шаг за шагом, день за днем, месяц за месяцем, год за годом узнавала я новое и набиралась необходимого опыта, как лучше выстраивать отношения с коллегами, с пассажирами, у каждого из которых был свой нрав и черты характера многосторонние и разные.

Все же очень скоро я поняла, что в общих чертах жизнь моя планируется в конце месяца в зависимости от долгожданного, всегда с большим нетерпением, «наряда-расписания»: табуляграммы на первый взгляд безымянной и холодной, в которой тебе сообщают рабочий план на следующий месяц.

Авиакомпания вкладывала официальные сообщения в персональные ящички, это была своего рода бесконечная черед почтовых ящичков, стоявших в аэропорту в помещении, достойном какого-нибудь детективного фильма, в последние годы их заменила электронная почта.

«Наряд-расписание», о котором грезили из месяца в месяц, приносило мне переживания, часто воодушевление и

большие ожидания, порой разочарование оттого, что те дни отдыха и тот вожделенный запрошенный отпуск предоставлялись не всегда.

У всех встреч, обещаний, свадеб, на которых я могла быть даже свидетельницей, разных финальных матчей по настольному футболу, билетов, заказанных на премьеру в театр, прощания с девичеством моей лучшей подруги, дня рождения какого-нибудь предполагаемого жениха, Рождественского обеда, юбилея моих родителей, недели в горах в совместно снятой квартире, уроков танго по четвергам после обеда очень часто было мало возможностей, участие во всех этих событиях каждый раз надо было подчинять решениям, которые принимал компьютер авиакомпании, где я работала.

С момента получения наряда можно было принимать или отклонять приглашения, назначать важные встречи, устанавливать расписание посещений спортзала, которые помогут расслабиться, лезть из кожи вон, чтобы прибежать вовремя в какое бы то ни было место, или пойти хоть и с опозданием на собрание многоквартирного дома, распрощаться с турниром по брисколе, но взамен иметь «удовольствие» глазеть на Джиджи Мардзулло когда у тебя из-за смены часовых поясов сна ни в одном глазу.

Выходных дней в месяц было примерно десять, а в остальные двадцать дней надевали форму.

Мы с Евой, Валентиной и Людовикой всегда надеялись, что нам поставят время и дни полетов, смещенные у одной от

другой, так в доме будет меньше суеты, и мы лучше распределим время на главный отрезок: продолжительное пребывание в ванной.

Запросто могло быть, что рейс назначили очень рано утром, и мы по привычке будильник на заре ставили на час раньше.

Наскоро завтракали, потом вставали под бодрящий душ, надевали приготовленную вчерашним вечером форму, проверяли, чтобы туфли были начищены до блеска, а чулки не порваны или не поблекли от стирок.

У большинства из нас была «сокровенная» тайна: блузку заправляли в ужасные колготки (зачастую с поддерживающим эффектом, чтобы не возникало варикозных вен или отеков из-за пониженного давления), ибо только так блузка не вылезала из юбки, когда поднимаешь руки и помогаешь пассажирам положить наверх багаж.

Под юбкой на нас было противно смотреть!

После того, как оденемся, переходили к тщательному макияжу, аккуратно причесывались, потом проверяли документы.

В сумке с собой всегда должны были лежать полетный халатик, фонарик, памятка с объявлениями, рабочие инструкции, запасные чулки, туфли на каблучке пониже для длительных рейсов, кожаные перчатки. В аэропорту в *Crew Briefing Center*, то есть в месте, где собираются все экипажи, в каждом из отведенных зальчиков начинался, вот именно, бри-

финг.

Собирались, чтобы познакомиться с экипажем, представиться, разговаривали о возможных затруднениях при полете, о метеорологических условиях, говорилось о коммерческих аспектах, о виде услуги и о пассажирах, которые поднимутся на борт.

Расстановлены мы были почти по-военному, существовала иерархия, и ее, как таковую, нужно было соблюдать.

Возглавляет весь экипаж командир, за ним стоит второй пилот, потом идут бортпроводники в зависимости от уровня каждого из них.

Что касается обслуживания и взаимоотношений с пассажирами, все бортпроводники должны обращаться к старшему по своему рабочему отсеку, который обращается к старшему по самолету, который руководит всем ходом полета и поддерживает связь с *cockpit*, с кабиной пилотирования, то есть с пилотами.

После полета по каждому бортпроводнику составлялся письменный отзыв за подписью, в котором оценивались профессиональность, техническая компетентность, знание иностранного языка, оказанное пассажирам содействие, и соответствовал ли внешний вид предписанным нормам.

Так прошли годы, полет за полетом, встреча за встречей, часовые пояса и бессонные ночи, многообразие языков, знойные страны и ледяные материки, острые блюда и тонкие яства, безоблачные небеса и неожиданные турбулентности.

Непредсказуемая жизнь

Пришла весна, и после крайне суровой зимы наконец-то мой чемодан будет оставаться сухим; около самолета в тот краткий отрезок времени, который грузчикам требуется, чтобы погрузить его в багажный отсек, он лежал беззащитным под дождем и снегом.

Как было бы прекрасно провести пасхальные праздники с Валентиной, в этом конце недели у нее был выходной.

Меня поставили «в резерв на дому», и я сидела дома, ждала, не зная в каком городе мира придется ночевать сегодня ночью.

Я уже давно поняла, что личная жизнь и каждодневные заботы отличаются переменчивостью и непостоянством: их надо было все время подгонять под изменения.

И впрямь, сложно тому, кто летает, успеть везде, особенно тому, у кого семья и дети, и особо сложно прежде всего тот в месяц, когда тебя ставят в так называемый «резерв».

В течение года работы нас, бортпроводников, поочередно в разное время могли поставить на какой-то отрезок времени в этот пресловутый «резерв», что сообщалось в конце месяца, то есть, надо быть готовыми внезапно заменить коллег, которые заболели или не пришли из-за несчастного случая или из-за чего-то еще.

Под резервом подразумевается сидеть и ждать целый

день, когда тебя вызовут на любую смену на любое направление, предупредив за час до вылета, чтобы стюардесса смогла собраться, собрать чемодан и обустроить дома так, что ее может не быть даже неделю.

Поэтому не так уж и приятно слышать телефонный звонок, от которого рушатся все ожидания провести обед или ужин в кругу семьи.

Резервом занимается отдел планирования полетов, который упорядочивает и организует все рейсы, и поскольку, если кто-то случайно не вышел на работу, при полете могут возникнуть затруднения, он направляет на смену туда, где неожиданно остались без бортпроводника. Резервная смена может начаться и в пять утра, звонок телефона в этот час поистине леденит душу, поэтому «основной» чемодан с самым необходимым должен быть уже готов, чтобы ничего не забыть впопыхах, когда торопишься поспеть вовремя.

Шерстяную кофточку и купальник полезно класть в чемодан в любом случае, в каком бы направлении ни летела.

Косметичка должна быть всегда под рукой, и надо не забыть положить новый тюбик зубной пасты, когда предыдущий заканчивается.

Очень важны чистые и отглаженные запасные форменные блузки на обратный рейс и пара туфель, годных для любой температуры, ночная рубашка и косметика.

Чемодан я собирала уже почти машинально.

Как бы то ни было, я считала – и считаю до сих пор, – что у

меня самая прекрасная работа в мире: пусть со всеми сложностями и отрицательными сторонами, пусть приходится все время собирать и разбирать чемодан или страшно хочется вернуться домой, пусть не покидает желание повидать родных. Размеренная жизнь не для меня, а мир никогда не перестанет увлекать меня; делиться точкой зрения с другими культурами и все время разными людьми будоражит меня, а кроме того, когда я возвращаюсь домой, вздыхаю особо облегченно и радостно, не то что те, кто возвращается домой регулярно, каждый день, мелочи повседневной жизни приобретают огромное значение.

А тем временем дела житейские давили на меня.

– То ли полечу, то ли не полечу, – спрашивала я себя в тот день.

Ничего, никаких вызовов, из отдела планирования ни одного звонка.

– Могли бы предупредить и пораньше, ведь Пасха же!

Я нервничала, немножко сердилась, занялась чемоданом, положила туда вещи, которые могли понадобиться на любом направлении, свернула блузки, и, хотя с одной стороны сильно надеялась, что лететь никуда не придется, с другой стороны думала хоть бы поскорее узнать куда отправят, раз уж побыть дома не суждено.

В пятнадцать ноль-ноль нескончаемого дня прибежала Валентина и сказала:

– Позвонили из отдела планирования, тебе поменяли ре-

зERV, перевели в «готовый» и надо быть на месте в семнадцать! Ну, по-моему, тебе повезло, у тебя почти два часа на сборы и на дорогу до аэропорта.

Я тут же расколола шоколадное яйцо посмотреть, что за сюрприз внутри, съела почти половину и «бросилась» в комнату, сердце из-за спешки застучало все быстрее.

Я зашарила в ящиках, искала очень практичную одежду, которая подходит в любой день: когда тебя перевели в готовый резерв, выезжать надо немедленно, куда лететь скажут за несколько минут до рейса прямо в аэропорту, надо быть уже в форме, а чемодан приходится собирать до того, как узнаешь в какую сторону летишь.

«Джинсы, ремень, запасное нижнее белье, синяя блузка, плюс белая кофточка, и черная тоже, ведь сумка и туфли у меня черные, они ко всему подходят, жемчужно-серый шарф и пуловер такого же цвета, наденешь его с юбкой и будешь выглядеть ухоженно и скромно... а вдруг встречу того коллегу-красавца, что летает на Милан?»

Бросила в чемодан и блузку с розово-зелеными цветочками, которая висела на спинке стула.

На завивку щипцами времени у меня не было: «уж так прямо сегодня его и встречу, того типа».

У меня всегда был соблазн брать с собой все, взяла и баночку консервов из тунца, вдруг понадобится, вдруг мы прилетим поздно и все будет закрыто, вдруг коллеги не дождутся меня на ужин, вдруг землетрясение, так спокойнее...

Запахавшись, прибежала в аэропорт и узнала, что могу понадобиться на работе вплоть до четырех дней подряд.

А я-то в суматохехватила всего одни брюки, забыла даже шнур для зарядки мобильного и непрременный тренч *bon ton*⁶ на подкладке с леопардовой расцветкой.

«В Европе погода уже достаточно теплая?» – спросила я себя.

Если же нет, то это может стать отличным поводом отправиться по магазинам за покупками.

Я пришла на брифинг в наше место сбора, подписала листок прибытия и вместе с другими коллегами в форменной одежде уселась в специальном зале, где стояли удобные наклонные кресла из черной кожи, ждать когда меня позовут на рейс, если вдруг с кем-нибудь из членов дежурного экипажа случится что-то непредвиденное или человек почувствует себя плохо.

Через сколько-то часов зазвонил телефон: я «вытянула» Рим-Афины.

Решила сперва зайти в аэровокзал отправления внутренних рейсов и купить в аптеке лейкопластырь, чтобы заклеить невыносимо болевшую мозоль на пятке из-за новых только что купленных туфель, которые – это я поняла только теперь – оказались не совсем подходящими.

Мне предстояло открытие.

Вы когда-нибудь проходили в форменной одежде по ка-

⁶ Элегантный (фр.).

кому-нибудь залу аэропорта?

На аптеку у меня ушло минут двадцать, мне пришлось отвечать на все вопросы, с которыми обращались ко мне все шедшие навстречу пассажиры: где находятся аптеки, стоянки такси, автобусы на Остию, туалеты, выходы на посадку, вопросам не было конца, хоть я и объясняла, что я бортпроводница, кстати, опаздываю на рейс.

Поэтому от лейкопластыря пришлось отказаться, на борт я прибежала, запыхавшись и припадая на намозоленную ногу.

Состав коллег уже сложился, они сработались, так как стоят в одной смене уже два дня, а я подключилась в последний момент, и поначалу меня восприняли как непрошенную гостью, так, кстати, частенько обходятся с резервистами.

Я постаралась вписаться в команду, учтиво влиться в гармонично сработавшуюся группу, каковыми я их ощущала.

Я представилась командиру кабины пилотирования, а потом и всем коллегам по работе, улыбаясь самой ослепительной улыбкой.

Коллега, которая работала в отсеке вместе со мной в хвосте самолета, выглядела восхитительно: статная фигура, отточенные бедра, утонченные черты лица, волосы прекрасного янтарно-каштанового цвета, зеленые глаза, подведенные темно-коричневым карандашом, который подчеркивал ее светлую кожу и прямой, не слишком длинный нос.

До посадки пассажиров мы немного поболтали и, как все-

гда, поделились кое-какими маленькими тайнами из личной жизни.

Коллега положила в рот карамельку с мятой, предложила мне, сбрызнулась духами, которые вытащила из сумки, смазала кремом руки и прошла в туалет освежить и без того идеальный макияж.

Мы пробежались глазами по заголовкам газеты, которую нашли в *galley*.

Стали заходить пассажиры, мы распределились по салону и приветствовали их:

– Добро пожаловать на борт!

Самолет был набит битком, в это время года все ехали в отпуск, после посадки я пристегнула свой ремень и приготовилась к взлету.

Как только самолет выровнялся так, чтобы можно было твердо стоять на ногах, мы все встали и пошли готовить тележки, разогревать питание для первого класса и разносить *welcome drink*⁷.

К сожалению, я столкнулась и с тем, что имеет мало общего с авиацией и полетами и очень много общего с тупоумием, широко распространенным в любой сфере: один пассажир, с которым я вела себя всего лишь и исключительно вежливо и в любом случае профессионально, в какой-то момент пощупал меня за ягодицу, я сдержала порыв ухватить его за запястье и вывернуть руку на 180 градусов, а предпочла –

⁷ Приветственные напитки (англ.).

раз опыта у меня было еще не много – ограничиться тем, что окатила его леденящим взглядом, приструнила вполголоса за жест и пригрозила сквозь зубы, что напишу на него заявление, если он еще раз осмелится. Я стала спрашивать себя, в тот день, как и в другие, не сама ли я повела себя так, может слишком доверительно, что создала у него впечатление, будто ему можно столь оскорбительно потрогать меня: я без всякой пользы обвиняла саму себя. Я ответила себе раз и навсегда, что ничего подобного не было и что я никому не позволила бы вести себя так со мной.

Потом меня позвал старший бортпроводник, так как замигало табло с сообщением о пожаре в туалете. Я понадеялась, что мне не придется вооружаться огнетушителем и тушить предполагаемое возгорание, но мысленно уже прикинула где ближе всего находятся нужные приспособления; я прислушалась через дверь, постучала, распахнула дверцу и... передо мной стоял мужчина лет пятидесяти, в руке он все еще держал окурок, изо рта у него несло куревом, да и вся одежда им провоняла; он немедля попросил прощения и убежал на свое место.

Одна старушка попросила снять ей с полки чемодан, потому что оливковое масло высшего качества, налитое в бутылку у нее в родной деревне, закапало сверху; а какое-то чадо орало во весь голос, потому что мама все еще не разрешала ему отстегнуть ремень безопасности.

Надо было поторапливаться, скоро начнем приземляться.

Пассажир с места 5Б сказал, что сейчас не голоден и попросил подать ему обед «потом», что сильно поразило меня, но это было всего лишь началом нескончаемой череды «причуд», которые все годы работы и сейчас сопровождают меня почти в каждом полете.

Перед приземлением надо было расставить по местам тележки и сложить все подносы, сделать объявления, сосчитать и опломбировать алкогольные напитки, заполнить бланк, который на первый взгляд показался мне сложным.

«Куда запропастились пломбы? Как они правильно вставляются в ушко? Где мне писать номера для таможи? Какие документы надо проверить? А таможенные декларации понадобятся?»

Из-за незрелости в работе мне часто приходилось просить помощи у коллеги.

Заира объясняла все спокойно со свойственной ей мягкостью, почти ослепляя меня светом обаяния; она отлично знала все тонкости обслуживания и порядок действий при аварии и даже с большой готовностью показала мне, где размещается вся оснастка.

Она была уже не первой молодости, думаю ей давно перевалило за сорок, но никаких осложнений ей это не создавало, как и не беспокоило ее, что годы идут. Более того, полагаю, что она отлично знала, что может рассчитывать в большей мере на свой опыт и интеллектуальную устойчивость, чем на физическую красоту, которая, совершенно очевидно,

была ей присуща в молодые годы.

Я ощущала шестым чувством, что она в совершенстве умеет держать себя в руках, знает, как обуздать свои эмоции и как отреагировать в определенной ситуации.

Она рассказала мне, что не так давно на нее свалилось огромное горе: ее спутника жизни, которого она очень любит, сбила машина, водитель летел на бешеной скорости и не обратил никакого внимания на пешеходный переход, сбил ее спутника в лоб.

Глубокая кома: врачи говорят, что необратимая.

Душевная боль у Заиры перешла в молчание, в немой стон. Она все также любила его, и никогда не перестанет любить, хотя знала, что прежней жизни с ним уже не будет.

Разговаривала она мало, но все равно, завидев пассажиров, она умела улыбнуться несказанно радушно, по всем правилам работы, общалась со всеми с пониманием и душевным теплом; зрелость ее вселяла уверенность.

Она никогда не выносила поспешных суждений о человеке, было отличной «хозяйкой дома», всегда к услугам пассажиров; форма сидела на ней безукоризненно, туфли начищены до блеска, волосы красиво уложены, единственным исключением из правил был маленький браслетик из белого золота от Тиффани и К°, который ей подарили на юбилей.

Я наблюдала за ней и старалась уловить ее силу и элегантные манеры, которые она проявляла в общении с людьми, такие женственные, крайне профессиональные.

Она умела поставить себя на место других и осмотрительно не вступала в споры, относилась всегда с вниманием и сочувствием.

Будто со страниц хрестоматии сошла, вот именно: с той жизненной хрестоматии, которую каждый из нас читает и одновременно пишет у себя в душе.

Я решила брать с нее пример всегда и во всем, и она стала, сама того не зная, моим ориентиром в работе. И остается им по сей день.

Она была человеком особым, не похожим на других.

А, прежде всего, на некоторых моих «старших» коллег, таких, к счастью, было не много, которые – очень скоро – дали мне понять, что «дедовщина» распространена не только в армии.

Когда начала летать я, так называемые «ученицы» или «сезонные» стюардессы, другими словами те, кто был новеньким, подвергались различным более или менее скрытым формам произвола, их как бы на первых порах держали под каблуком.

На длительных межконтинентальных рейсах на Боингах 747 им поручали резать лимоны и ставили чаще всего заниматься питанием и разогревать его в *galley*, поэтому-то новичков и прозвали «гэллистами».

Но если шутки старших коллег, склонных к юмору, были добродушными, они терпели охотно: их частенько заставляли подолгу искать не существующие на борту предметы,

например стулья или завалившуюся где-то метлу, которая должна была лежать в нише с электрооборудованием, добраться до которой почти невозможно и залезть туда трудно, так как надо поднимать тяжелый люк в проходе между креслами; а иной раз говорили, что вдруг надо стало сделать что-то из предполагаемых обязанностей, о которых новички ничего не знали; и все с веселинкой да со смешком, в духе товарищества, с уважением друг к другу и обходительно.

За самыми молодыми, которые работали по временному договору, следили постоянно, получи они хоть один отрицательный отзыв, на следующий сезон их могли не нанять, поэтому им было еще труднее из-за шаткости и ненадежности своего положения, а в последнее время стало еще хуже из-за непрерывных экономических и политических кризисов, которые в нашей стране идут чередой один за другим.

Эти девушки должны были всегда находиться в распоряжении компании, даже когда они не работали, чтобы авиакомпания могла дозвониться до них, если вдруг понадобится срочно вызвать на работу, должны были суметь быстро найти жилье в городе, из которого были предусмотрены вылеты. Меня, к счастью, приняли на работу по бессрочному договору, и я не была вынуждена так маяться.

Критерии в их карточках с отзывами были гораздо строже, и они должны были ярко выражено демонстрировать, что у них есть стимул к работе и они заинтересованы работать на отлично, вести себя должны были безупречно, всегда быть в

приподнятом расположении духа, слаженно взаимодействовать с пассажирами и экипажем, все время заботиться о пассажирах и улыбаться, выражаться правильно и вежливо, и не упускать случая пообщаться даже когда их не просят о каких-либо конкретных услугах, должны были знать и соблюдать иерархию на борту, а также готовиться к полету старательно и соответствующим образом.

Мелкие отрицательные замечания могли выявить необходимость более углубленного прохождения личного обучения, технических норм, требований по обслуживанию или языковой подготовки и ставили под вопрос их окончательное принятие на работу.

Как правило, «старички», те, у кого за плечами было больше проработанных лет, были важнее для авиакомпании, и на борту у них было больше власти.

Накопить длительный опыт работы было дополнительной ценностью, дорогостоящим приобретением: в авиации выслуга лет совершенствует профессиональные качества, так как дарует отличное умение выходить из трудных ситуаций, повышает компетентность, помогает предотвращать осложнения и разрешать их легко и быстро: но бывает, к сожалению, что кто-то этой властью пользуется.

Когда я вернулась домой и встретила с Валентиной, я в этом горько убедилась.

Возвращение домой – момент особый, и неважно сколько лет проработал – это я поняла позднее, – привкус у него все

такой же.

– Привет, Валь, ну как слетала? Что-то ты совсем без сил, а я думала повеселишься за пять дней на Мальдивах.

– Да остров-то изумительный: белый песок на пляже, пальмы в ряд, вода теплейшая, виды великолепные. Только вот устала я как собака, Анна: скорей бы сбросить с себя эту чертову форму.

Такими словами ответила мне Валентина, она тоже только что вернулась, первым делом сняла туфли, потом бросила *колготки* на пол. Наверное, что-то пошло наперекосяк.

– погоди, дай мне минутку, поставлю чемодан и приду к тебе.

Ева тем временем лежала в постели у себя в комнате. Ей не спалось, и она встала выпить стакан воды. Она вернулась из Гонконга, и вкратце рассказала мне, как вместе с коллегами плясала на дискотеке «Джо Бананас» и съездила на остров Цюлун недалеко от гостиницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.